

Королеве триллера нечего скрывать

Кристине Круттшнитт

«ШТЕРН», ГАМБУРГ.

ОНА не относится к тем писательницам, которые целиком полагаются лишь на собственную фантазию. Если по сюжету должен появиться утопленник, Патриция Корнуэлл немедленно осваивает работу водолаза. Если, не дай Бог, предстоит «вскрыть» черепную коробку, она часами будет примеряться к хирургической циркулярной пиле. А прежде чем ее героиня, патологоанатом Кей Скарпетта, отправится на вертолете исследовать полустелвший труп жертвы преступления, самая преуспевающая (в свои 42 года) писательница Америки, вне всякого сомнения, получит удостоверение пилота. Просто она очень серьезно относится к своей профессии. Восемью книгами о своей неподкупной героине Патриция Корнуэлл заслужила репутацию «мэтра» криминальной литературы: каждое вскрытие описано в мельчайших деталях, каждое убийство — проникновенное исследование нашей безумной современности. Как-то незаметно в сознании сливаются образы творца и творения: Корнуэлл и Скарпетта одинаково любят немецкие автомобили и итальянскую кухню, бегают по коридорам и кабинетам академии ФБР в Квантико и периодически общаются с органами правосудия: героиня романа — в качестве эксперта и с удовольствием, а ее создательница — скорее по необходимости.

В 1997 году Патриция Корнуэлл выступала свидетельницей на процессе одного агента ФБР, пытавшегося убить свою жену, потому что считал, что у нее роман с писательницей. В другой раз супружеская чета из Вирджинии, родного штата Корнуэлл, обвинила ее в использовании отчета о вскрытии тела их убитой дочери в качестве основы для очередного детектива. Одновременно с этим была развёрнута целая кампания по дискредитации писательницы. Разгромной критике подверглись оба ее последних романа, а саму королеву триллера в серии газетных публикаций попытались представить полумной сумасбродкой, страдающей манией величия, болезненным пристрастием к оружию и шопингоманией.

«Мой девиз: успех — это лучшая месть», — говорит этот бывший полицейский репортер во время интервью в Ричмонде, штат Вирджиния. Патриция одета в вещи от Армани (да, она действительно любит делать покупки), и в доме у нее есть пистолеты (да, она, похоже, и в самом деле готова видеть серийного убийцу в любом, кто стоит у о-

рады ее особняка). Зато оба ее последних детектива просто обезоруживающе хороши — и это, пожалуй, достаточное оправдание пусть даже чуть завышенной самооценки литератора-предпринимательницы, содержащей штат сотрудников из семи человек и получившей за три свои будущие книжки 24 миллиона

Патриция со своей собакой Чоппером и скелетом, украшающим ее кабинет.

долларов аванса. А теперь — интервью.

— *Говорят, вы сидели в том самом вертолете, который недавно летал над городом?*

— Я не просто в нем сидела, я им управляла.

— *И пес тоже был с вами?*

— Чоппер? А как вы думаете, почему я назвала его по имени вертолета? Он везде со мной.

— *Ваш последний роман называется «Гибельный микроб». Вы что, боитесь микробов?*

— Я не из тех, кто патологически брезглив и беспрестанно моет руки. Моя собака спит в одной кровати со мной. В книге же речь идет о вирусах оспы и биологическом оружии. Вот этого я на самом деле боюсь.

— *А другого оружия не боитесь?*

— Меня пугает мысль о том, как много людей в нашей стране имеют в доме револьвер или винтовку и не умеют с ними обращаться.

— *А вы стреляете метко?*

— Достаточно метко, чтобы суметь защитить себя.

— *А что, вам угрожают?*

— Да, я получаю письма от осужденных, знающих меня еще по работе в полиции. И вот уже несколько лет кто-то меня преследует и шантажирует. Быть знаменитым в этой стране, особенно если вы женщина, значит держать ухо востро. Я всегда говорю, что никто из обитателей морга никак не рассчитывал вскоре там очутиться.

— *Вы тоскуете по беззаботной жизни?*

— Я не остаюсь ночевать в домах, где нет сигнализации. Мой офис всегда охраняется. Но, к примеру, на встречах с читателями, в поездках по стране, когда вокруг меня вертятся все эти телохранители, это начинает меня угнетать.

— *Испытали ли вы недовольство, когда из-за процесса по делу агента ФБР Джона Беннета достоянием общественности стала ваша интимная жизнь?*

— Я ничего не имею против, если люди узнают

обо мне правду. А тот психопат, вравший на каждом шагу, он ведь сидел за подлог, а может, и пришил кого. Досадно, что в людской памяти осталась лишь эта короткая связь, которая была у меня в 1991 году с его женой.

— *А не лучше ли было все отрицать?*

— Нет, я не претендую на роль главы гомосексуального движения, но и прятаться тоже не собираюсь. Я надеюсь дожить до того времени, когда мы все станем немножко терпимее.

— *Личная жизнь Кей Скарпетты, вашего «второго я», до сих пор не устроена. Вы считаете, что у женщин, делающих карьеру, нет шансов на семейное счастье?*

— Бога ради, это вовсе не мое программное заявление! Скарпетта из более раннего поколения, нежели я, из тех, кому приходилось сражаться, чтобы чего-то достигнуть. Но, по-моему, и она в последнее время начинает смотреть на жизнь проще: в романе «Гибельный микроб» Кей даже позволяет себе выпить, прежде о таком и подумать было нельзя.

— *Значит, годы и успех успокоили и вас?*

— Да, пару лет назад я решила: все, хватит вкалывать по 18 часов в сутки. Просиживать ночами над всеми этими историями из прозекторской — от этого даже мне частенько бывало не по себе. Теперь я всегда нахожу время для занятия тем, что доставляет мне удовольствие. Я в отличной форме, могу пробежать десять миль без передышки. С тех пор как прошла моя писательская одержимость, я работаю гораздо продуктивнее. Я стала больше заботиться о своем здоровье. Если бы я почувствовала себя плохо, я бы немедленно стала лечиться. Хочется быть настолько здоровой и разумной, насколько это возможно.

— *Ваш отец, адвокат из Майами, оставил вашу мать, страдавшую депрессиями, с тремя маленькими детьми. Когда она попала в клинику, вы росли у приемных родителей. Вам больно вспоминать о своем детстве?*

— Да, в первые годы было очень больно. Но те-

перь я научилась жить в ладу с собой. Я страдаю маниакально-депрессивным синдромом и все бы отдала за одну маленькую таблетку от этого, которую выпил — и выздоровел. К сожалению, это непоправимо, когда приходишь из больницы, разбитой семьей. Когда сбегает отец, когда с детства познаешь жестокость и насилие. Можно лишь попытаться понять это и, несмотря ни на что, любить себя. С момента, как я узнала о своей болезни и стала принимать лекарства, я веду совсем другой образ жизни. Как только замечаю, что начинаю терять равновесие, я тут же устраиваю себе день отдыха.

— *Теперь вы стали лучше понимать себя?*

— Да, все совершенные мной глупости случались как раз в моменты этих самых перепадов настроения. Однажды, когда я слишком много выпила, произошел несчастный случай. А то вдруг рыдаю прямо в разгар застолья в дружеской компании. И подарки я дарю всегда какие-то совершенно неадекватные. Ни в чем не знала меры, была слишком неистовой, слишком эмоциональной. А вот в периоды депрессии теряла интерес ко всему на свете. Вот только жизни себя лишить я не пыталась ни разу.

— *Вы счастливы?*

— Да, у меня замечательные отношения с одной женщиной. И очень хорошие друзья. Конечно, хотелось бы жить без всех этих маний и депрессий, но, с другой стороны, я даже благодарна судьбе за это, потому что, как мне кажется, это делает меня по-человечески лучше и сильнее. Я здорова физически, умна, богата — так недолго и зазнаться. А болезнь добавляет мне скромности.

— *А в Голливуде вас не тянет? Вы ведь целых четыре года пытались экранизировать свою книгу «Покройница без имени»?*

— Нет, я даже рада тому, что больше там не работаю. Я написала около 30 заявок на сценарии, а потом все рухнуло. Да и тамошние обитатели мне не слишком пришлись по душе. Эти бесконечные сплетни о том, кто кого с кем видел и кому дали лучший столик в ресторане... Уж лучше просто погулять с собакой.

За рубежом. — 1998. — 20-26 нояб. — с. 14-15